

Когнитивные и социокультурные аспекты развития евгеники в 20–60-е годы XX ст.

Рассказано о зарождении евгеники, изложены ее основные идеи. Освещена история развития советской евгеники, показаны ее специфические черты.

На рубеже 1920–1930-х годов научной общественностью широко обсуждались вопросы наследования признаков у человека. Популярными в научной среде генетиков стали проблемы евгеники. Термин «евгеника» был введен известным английским психологом и антропологом Френсисом Гальтоном (1822–1911) в 1883 г. и обозначал науку, которая изучает возможность улучшения человеческой расы. Идеи о наследовании природных способностей впервые были высказаны ученым гораздо раньше (в июне и августе 1865 г.) в «Macmillan's Magazine». В доказательство своих воззрений он старался показать, что высокая репутация составляет мерило высокой даровитости, в связи с чем пришлось рассматривать родственные связи выдающихся личностей — английских судей с 1660 по 1868 гг., государственных деятелей времени Георга III и премьер-министров примерно за столетний период. Ф.Гальтон изучал также родство наиболее знаменитых полководцев, научных деятелей, поэтов, живописцев, музыкантов, духовных лиц, борцов и гребцов.

Гальтон категорически отвергал предположение о природном равенстве между людьми и говорил о существовании социальной оценки человеческих качеств, что приводит к закономерному расслоению общества. «Я смотрю на общественную и профессиональную жизнь как на непрерывный экзамен... Свет... определяет лю-

дям подобные отметки. Он ценит, таким образом, оригинальность мысли, предприимчивость, деятельность и энергию, административное искусство, различные таланты, силу литературного выражения, ораторское красноречие и многие другие качества, имеющие общее жизненное значение или применяемые к какой-нибудь специальности... Получившие наибольшее число этих неписанных отметок возводятся людьми, стоящими во главе общественного мнения, в разряд наиболее заметных личностей своего времени» [1, с. 9–10].

По мнению Гальтона, различия интеллектуальных способностей можно определить не только между людьми, но и между целыми расами. Он считал, что каждая раса согласно закону естественного отбора Дарвина приспособляется к окружающим ее условиям по многим признакам, в том числе интеллектуальным. Человеческая раса, обладающая «высоким интеллектом», то есть социально-экономически развитая, имеет преимущество при равенстве всех прочих условий. Например, негры имеют незначительное количество людей классов с выдающимися способностями: F и G¹, а число чернокожих с низким интеллектом велико. Это, по мнению ученого, приводит к тому, что негры в обществе занимают достаточно низкий статус: во времена Гальтона они в основном занимали

¹ Ф. Гальтон дифференцировал людей на различные классы по степени даровитости. Разряду А соответствовали люди со средним уровнем умственной силы. Таких людей в каждой расе большинство. В ряду разрядов В, С, D, E, F, G идет соответственно возрастание уровня интеллекта. Ряд с разрядами, где постепенно уменьшается уровень даровитости, обозначался малыми буквами латинского алфавита: a, b, c, d, e, f. Идя по нисходящим ступеням этой лестницы и дойдя до разряда f, попадаешь в группу слабых и идиотов. Таким образом, люди выдающегося дара по отношению к среднему уровню развития стоят настолько же высоко, насколько идиоты стоят ниже этого среднего уровня.

должности слуг. «Негры в своих обычных занятиях делали такие ребяческие, глупые... ошибки, что мне часто становилось стыдно подумать, что принадлежу к одному с ними роду», — писал Гальтон [1, с. 225]. Австралийские же аборигены, по его мнению, стоят на одну ступень ниже африканских негров. Самой способной из всех пород за всю историю человечества ученый считал породу древних греков, причем самыми одаренными были признаны жители Аттики. Среди соотечественников Гальтон почитал жителей Южной Шотландии и Северной Англии, так как среди них встречаются более выдающиеся и богатые люди.

Рассуждая о будущем человечества, Гальтон говорил, что придет время, когда население земного шара будет ограничено в численности и качестве расы так же строго, как овцы в стаде или растения в саду. «Но в ожидании этого времени посмотрим, чем мы можем содействовать размножению рас, наиболее способных мыслить и подниматься по ступеням высокой, благотворной цивилизации, вместо того, чтобы по ложному инстинкту оказывать помощь слабым и задерживать размножение сильных и энергичных личностей» [1, с. 238]. Таким образом, люди способны заниматься селекцией себе подобных и изменять тем самым природу человечества.

Будучи уверенным в том, что психические свойства человека так же наследственны, как и его физические особенности, Гальтон считал наследственность и естественный отбор главными факторами развития человека и общества. При этом роль наследственности для человека, по его мнению, играет большую роль, чем среда. Гальтон в какой-то степени предвосхитил некоторые идеи генетики, так как отрицал наследование благоприобретённых признаков. Однако, по мысли учёного, природа с

помощью естественного отбора действует очень медленно. Поэтому, применив законы эволюционного учения к человеку, можно поставить перед обществом задачу сознательного направления и ускорения своей эволюции, стремясь достигнуть наибольшего совершенства человека как биологического вида. Таким образом, евгеника должна была способствовать развитию эволюционных задач человечества. Улучшить род человеческий Гальтон предлагал путём увеличения численности талантливых людей. «Если бы одна двадцатая доля стоимости и труда, которые тратятся на улучшение пород лошадей и собак, была бы затрачена на улучшение человеческой расы, какую бы галактику гениев мы могли бы создать», — писал он [2, с. 25]. В евгенике, «науке о благо рождении», Гальтон видел своего рода прикладную отрасль знания, которая обязательно должна была стать для человечества руководством к действию. Тем не менее, как истинный учёный Гальтон полагал необходимым прежде всего создать строго научную, теоретическую базу евгеники, для чего осуществить широкие исследования одарённости, особенностей психики, наследственных болезней людей.

Разумеется, основоположник евгеники прекрасно осознавал те трудности, перед которыми стояло практическое осуществление евгенических задач. В человеческом обществе невозможна принудительная селекция, и потому Гальтон уповал прежде всего на просвещение в духе евгенических идей — на разум, а не на силу. Евгенику принято было подразделять на отрицательную и положительную (или позитивную): первая ставила своей целью препятствовать бракам, способным дать дефективное или больное потомство (крайним своим проявлением это направление имело даже жёсткие меры вплоть до

стерилизации больных, что впоследствии сыграло существенную роль в дискредитации евгенических идей), вторая должна способствовать бракам, дающим здоровое и одарённое потомство, поощряя рождение как можно большего числа детей. Гальтон был сторонником именно второго пути. Он считал, что более важно поощрять продуктивность «лучшей ветви» человечества, нежели подавлять продуктивность «дурной». Подобный романтизм был характерен для многих приверженцев евгеники, особенно в начальный период её истории.

Ещё при жизни Гальтона евгенические идеи обрели в Англии немалую популярность. Возникли первые научные структуры и общества: в 1904 г. Национальная евгеническая лаборатория при Лондонском университете (Гальтоновская лаборатория), которую возглавил ученик Гальтона математик, профессор университета Карл Пирсон (1857—1936) [3], в 1907 г. Общество евгенического воспитания в Лондоне, президентами которого были сам Гальтон, а после его смерти сын Чарльза Дарвина — Леонард Дарвин. О популярности евгенических идей в английском обществе говорит хотя бы тот факт, что членами этого объединения являлись известные писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс. К. Пирсон стал основателем первого журнала по евгенике — «Евгенические анналы» (впоследствии «Анналы генетики человека»).

Евгеника широко распространилась и за пределами Великобритании: аналогичные организации и общества создавались во многих европейских странах и в США, созывались международные конгрессы по евгенике (Лондон, 1912 г.; Нью-Йорк, 1921 и 1932 гг.), а в ряде стран (скандинавские государства, Великобритания, Германия, отдельные штаты США) началось осуществление евге-

нических идей на практике. Не осталась в стороне от этого движения и Россия [4—7].

Идеями Гальтона заинтересовались в России уже в конце XIX в., однако евгеника как наука стала активно развиваться лишь в 20-е годы XX ст. В 1875 г. в журнале «Знание» появился перевод сочинения Гальтона «Hereditary Genius, its Laws and Cosequences». Перевод был практически полным за исключением перечня имен из главы «Английские судьи» и главы «Духовные лица».

Интересно, что у Гальтона был русский предшественник, профессор В. М. Флоринский, опубликовавший книгу «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» (1866), в которой поднял проблему гигиены брака с целью предупреждения появления на свет больного потомства. Однако это издание осталось практически незамеченным. В книге Флоринский задается вопросом, почему люди не совершенствуют собственную породу, как они улучшают породы домашних животных. За свою клиническую практику он обнаружил, что человечество скорее размножает болезни и физическую слабость, нежели совершенствуется. «Народ и правительство... так мало обращают внимание на корень народного здоровья — на гигиену бракосочетаний», — писал Флоринский [8, с. 1]. Он считал, что наука может сознательно улучшить человеческий род, устраивая браки не по одному безотчетному влечению полов, а учитывая различные данные о наследственных болезнях и признаках. По его мнению, ребенок может отражать признаки одного из родителей, «преобладающего в воспроизведении», или совмещать в себе смесь признаков обоих родителей. Возврат к признакам предков он объяснял тем, что «ослабленные в родителях свойства» снова усиливаются в потомках вслед-

стве благоприятных условий. Проявление пола тоже зависит от влияния и силы одного из супругов, также определяются анатомические, физиологические и отчасти психические признаки.

На различие в умственных способностях, по мнению Флоринского, влияют наследственные задатки и индивидуальный интеллектуальный труд. По наследству передается не ум, а только задатки умственной деятельности. Часто среди малограмотных встречаются талантливые люди, но для реализации своих способностей у них не хватает подходящих условий. Примером одаренного человека из простой среды был сам Василий Маркович Флоринский, сын священника крестьянского происхождения.

Флоринский был уверен в наследовании приобретаемых в процессе жизни признаков. «Потомству передаются не только природные, но и искусственно развитые свойства» [8, с. 63]. Не случайно, он считал, что важно развивать свой ум и много трудиться, чтобы потом передать интеллектуальные способности своим детям. Необходимо также совершенствовать нравственные качества людей.

Книга «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» не имела большого успеха и при жизни автора не переиздавалась. Только в 1926 г. ее переиздал генетик М.В. Волоцкий, сократив и отредактировав текст и снабдив книгу небольшой вступительной статьей и примечаниями. Волоцкий противопоставил воззрения Флоринского евгенике Гальтона, ложно трактуя учение Гальтона как попытку защитить наиболее евгенически ценный правящий класс [9].

В первые десятилетия XX в. евгенические идеи стали активно распространяться в среде ученых, публицистов, общественных деятелей.

По мнению некоторых авторов, предпосылками возникновения евгенического движения в СССР послужили необходимость мобилизовать все производительные и творческие силы нации после мировой и гражданской войн, различные проекты восстановления национальной экономики и вера в могущество разума человека [10]. Движение возглавили Ю.А. Филипченко и Н.К. Кольцов.

Юрий Александрович Филипченко (1882—1930) (подробно о биографии ученого см. [11], [12]) происходил из семьи учёного-агронома, окончил физико-математический факультет Петербургского университета и на всю жизнь связал с ним свою судьбу. Утверждение Юрия Александровича в должности приват-доцента (1913) позволило ему приступить к чтению разработанного им самостоятельно курса генетики. В 1917 г. Юрий Александрович защитил докторскую диссертацию по генетике на тему «Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих» и был удостоен степени доктора зоологии и сравнительной анатомии.

В 1918 г. Филипченко возглавил созданную им университетскую лабораторию генетики и экспериментальной зоологии, которая в 1919 г. была преобразована в первую в России кафедру генетики. Перу Филипченко принадлежит целый ряд классических учебников и монографий («Изменчивость и методы её изучения», «Частная генетика. Растения и животные», «Общедоступная биология», «Экспериментальная зоология» и др.), он был одним из самых талантливых популяризаторов биологической науки.

В сентябре 1920 г. Кольцов обратился к Филипченко с предложением сотрудничества в области генетики человека, тогда же было принято решение о самостоятельных действиях учёных [11], и в феврале 1921 г. Юрий

Александрович организовал первоначально небольшое Бюро по евгенике при Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) РАН. Она была создана ещё до революции с целью изучения природных богатств России и ставила перед собой большей частью прикладные задачи. Уже то, что евгенические исследования организационно были подчинены именно КЕПС, недвусмысленно указывало на практический характер предполагавшейся работы.

Бюро первоначально располагалось в квартире Ю.А. Филипченко и было немногочисленным (трое человек). Для работы в бюро Филипченко пригласил первых выпускников кафедры генетики Т.К. Лепина и Я. Я. Луса. С ними Юрий Александрович выполнил работу по изучению наследования морфологических и умственных особенностей человека. Бюро стало издавать свой журнал «Известия Бюро по евгенике», с четвёртого номера — «Известия Бюро по генетике и евгенике» и, наконец, с шестого номера — «Известия Бюро по генетике». Всего вышло восемь номеров этого издания (с 1922 по 1930 г.). Евгенические работы печатались только в первых трёх номерах. В дальнейшем основное направление исследований было существенным образом скорректировано. В апреле 1930 г. Бюро по генетике было преобразовано в Лабораторию генетики АН СССР, а затем в академический Институт генетики.

По своим взглядам Филипченко был «классическим» учёным-генетиком, в разгоревшейся в те годы научной дискуссии с неоламаркистами он отстаивал приоритет наследственности по отношению к среде и отрицал возможность наследования приобретённых признаков. В области евгеники им были сформулированы три задачи, ставшие программой де-

ятельности его Бюро: во-первых, тщательное научное изучение вопросов наследственности путём проведения анкетных опросов, обследований, экспедиций в определённые регионы и т.д.; во-вторых, распространение сведений о евгенике — популяризаторская работа; в-третьих, консультирование по вопросам евгеники желающих вступить в брак и вообще всех интересующихся собственной наследственностью. Это был строго научный и очень сдержанный, максимально корректный подход к сложным и неоднозначно интерпретируемым евгеническим проблемам. Спокойная, уравновешенная, вдумчивая натура Филипченко противилась крайностям, вот почему он выступал решительно против каких бы то ни было резких мер, против отрицательной евгеники, а свой долг учёного видел прежде всего в кропотливой, серьёзной исследовательской работе и широкой пропаганде евгенических идей. В плане популяризации евгеники Филипченко была проведена огромная работа: ему принадлежит целый ряд замечательных книг и брошюр, в которых ярко и доступно для широкого читателя излагаются основы евгенической науки, — «Фрэнсис Гальтон и Грегор Мендель», «Что такое евгеника», «Как наследуются различные особенности человека», статья «Евгеника в школе» и в особенности книга «Пути улучшения человеческого рода: Евгеника».

Евгенические исследования самого Филипченко и его сотрудников отличались тщательностью и исключительно научным подходом: он доверял только строго научным фактам и его труды по генетике выполнены на базе огромного экспериментального материала. Достаточно сказать, что одна из его лучших книг (опубликованная уже посмертно) посвящена генетике мягких пшениц, ис-

следование которой потребовало огромного и кропотливого труда. В евгенике, конечно, эксперимент был невозможен, но Филипченко собрал, обобщил и проанализировал внушительный анкетный материал. «Все наши выводы мы рассматриваем, как первое и наиболее грубое приближение к истине, — писал он. — Среднее из десяти наблюдений много ценнее одного-единственного наблюдения или полного отсутствия наблюдений, хотя, конечно, ещё лучше сделать тысячу наблюдений. Но если этого сделать нельзя, то всякое число лучше его полного отсутствия» (цит. по [11, с. 46]). На основании этих исследований была, в частности, опубликована блестящая работа Ю. А. Филипченко, подготовленная им совместно Т. К. Лепиным и Я. Я. Лусом, «Действительные члены Академии наук за последние 80 лет (1846—1924)», а также его статьи «Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга» (1922), «Наши выдающиеся ученые» (1922), «Интеллигенция и таланты» (1925).

К 1925 г. Филипченко и его ученики отошли от изучения генетики человека. Юрий Александрович совместно с Т. К. Лепиным занялся изучением наследования количественных признаков пшениц, а его ученики переориентировались на генетическую работу с сельскохозяйственными животными в удалённых и необследованных районах СССР, Ф. Г. Добржанский и Я. Я. Лус с 1926 г. начали проводить изучение популяций среднеазиатских домашних животных.

Скоропостижная смерть Ю. А. Филипченко не дала возможности ученому реализовать все задуманные планы. Лабораторию генетики АН СССР согласился возглавить Н. И. Вавилов, который к тому времени уже возглавлял Всесоюзный институт

растениеводства (до 1930 г. Отдел прикладной ботаники и селекции). Для сохранения традиций научной школы Филипченко Н. И. Вавилов решил привлечь к работе учеников Юрия Александровича: М. Л. Бельговского, Ю. Я. Керкиса, Н. Н. Колесника, Н. Н. Медведева, А. А. Прокофьеву-Бельговскую. Здесь же в лаборатории продолжали работать Т. К. Лепин и Я. Я. Лус и вновь прибывшие А. А. Сапегин, Г. А. Левитский, болгарский цитогенетик Д. Костов. Лаборатория генетики стала представлять собой слияние двух генетических школ — вировской (вавилонской) и университетской (филипченковской) [13].

Летом 1920 г. Николай Константинович Кольцов организовал в Москве в Институте экспериментальной биологии евгенический отдел, а осенью того же года — Русское евгеническое общество, которое и возглавил в качестве председателя. Постоянным печатным органом общества стал «Русский евгенический журнал», семь томов (в 25 выпусках) которого увидели свет в 1922—1929 гг. Журнал издавался под редакцией Н. К. Кольцова, а позднее также под редакцией П. И. Люблинского и Ю. А. Филипченко. Первый выпуск журнала открывался программной статьёй Кольцова «Улучшение человеческой породы», в которой обозначались основные задачи и перспективы евгенической науки.

В этой работе Кольцов довольно подробно характеризует особенности евгеники как отрасли теоретического знания и описывает сложности, возникающие на пути практического воплощения евгенических идей. Основная мысль позитивной евгеники Кольцова заключалась в следующем: «Порода всякого вида животных и растений, а в том числе и человека, может быть изменена сознательно, путём подбора таких производителей

лей, которые дадут наиболее желательную комбинацию признаков у потомства. Для задачи действительно изменить, облагородить человеческий род это — единственный путь, идя по которому, можно добиться результатов» [14, с. 4]. Говоря о важности мер по улучшению человеческой природы, ученый осознавал трудности организации антропотехнии (так он назвал раздел евгеники, занимающийся подбором генетически ценных людей для производства потомства, по аналогии с зоотехнией). «Мы не можем ставить опытов, мы не можем заставить Нежданову выйти замуж за Шаляпина только для того, чтобы посмотреть, каковы у них будут дети», следовательно, возможен лишь путь наблюдения и описания.

Кольцов как истинный учёный, конечно, не мог ограничиться только изучением генеалогий или обработкой анкетных данных. Поэтому он выдвинул конкретную задачу — изучение наследственных химических свойств крови. Этот путь виделся ему одним из наиболее перспективных, открывающим новые возможности научного исследования антропогенетических закономерностей.

Кольцова интересовала не только научная, но и социальная сторона евгеники. Он задумывался о морально-нравственной стороне теоретической и особенно практической (а евгеника мыслилась преимущественно как прикладная наука) евгеники. Учёный выступал противником отрицательной (негативной) евгеники, доказывая, что её меры (прежде всего принудительная стерилизация) не могут дать ощутимых положительных результатов для общества. «При проведении подобных законов в жизнь всякая государственная власть должна быть в высшей степени осторожной и не забывать, что истребляемый при помощи стерилизации или запрещения бра-

ков недостаток есть только отдельный признак, *отрицательные* свойства которого в некоторых индивидуальных случаях могут с избытком покрываться наличностью других евгенических признаков. Такого рода борьба с дурной наследственностью в руках неосторожной власти может стать страшным орудием борьбы со всем уклоняющимся в сторону от посредственности, и вместо евгении может привести к ... *ухудшению*» [14, с. 19]. И далее: «Только в очень небольшом числе случаев полной дегенерации и наследственного идиотизма показание к стерилизации может быть достаточно прочно». Гораздо важнее «положительные меры», которые ведут к увеличению потомства от наиболее одарённых людей. «Лучший и единственный достигающий цели метод расовой евгеники, это — улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одарённых выдающимися умственными или нравственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью...».

Вопросами генетики человека увлекся также А.С. Серебровский, не сумев, однако, оставить непосредственных учеников в этом направлении. Причины этого факта мы попытаемся осветить ниже. Исследование трудов А.С. Серебровского по евгенике 1920-х годов и анализ материалов научных дискуссий 1930—1940-х годов позволили пролить свет на это непростое время, когда ученый подвергся травле.

Свои мысли о перспективах развития новой науки Серебровский изложил в материалах лекций по антропогенетике, прочитанных им на Аниковской станции [15]. В этих

лекциях 1922 г. Серебровский использовал понятие «генофонд», хотя принято считать, что он ввел этот термин в 1928 г. Под генофондом он понимал запас генов жителей определенной территории, например страны. Позднее термин успешно прижился в науке и распространился на различные группы организмов.

В 1922 г. появилась статья А.С.Серебровского «О задачах и путях антропогенетики» [16]. В ней учёный обозначил ближайшие задачи евгенических исследований как детальное описание больших семей, стационарное изучение в течение длительного времени наследственных особенностей жителей различных местностей. В отношении взглядов Серебровского на проблему практического применения евгенических идей наибольший интерес представляет его статья «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе», вышедшая уже на излёте евгенического движения [17]. Признавая евгенику прикладной частью антропогенетики, он отмечал, что мутационный процесс обуславливает изменение генофонда человечества, причём груз вредных мутаций со временем увеличивается. В результате человечеству в будущем грозит вырождение, предотвратить которое возможно путём действенных мер. При этом в обществе необходимо пересмотреть привычные социальные условности, например любовные отношения в браке следует отделить от деторождения, а для улучшения человеческого рода нужно создать банк сперматозоидов от одарённых и лишённых наследственных болезней людей для проведения широкомасштабного искусственного осеменения. За эту статью учёный подвергся общественной травле, даже спустя годы Серебровскому неоднократно вспо-

минали смелые для своего времени идеи, высказанные на страницах «Медико-биологического журнала» в 1929 г.

4 апреля 1930 г. в газете «Известия» был напечатан фельетон Д. Бедного «Евгеника», где он в сносках указал на статью Серебровского, которая «вдохновила» поэта. Стихи были явно заказного характера, поскольку весьма сомнительно, чтобы «поэт-стихоплет» регулярно просматривал «Медико-биологический журнал», и отличались характерным набором грубых рифм. На следующий же день А.С.Серебровский написал ответ поэту с той же «резкой демьяновской рифмой». Стихи были обнаружены спустя годы в личном архиве ученого.

Стихи А.С.Серебровского были не единственным ответом на фельетон Д. Бедного. 8 июня 1930 г. К.В. Волкова, бывшая аспирантка А.С.Серебровского, написала С.Г. Левиту письмо со стихами. Приводим ниже строки из этого письма: «...По справедливости мои стихи должны бы напечатать в «Правде», потому что они немногим слабее демьяновских, но думаю, что на это нечего и рассчитывать. В «Правде» у Демьяна положение исключительное, на правах «Табу»... Если бы, впрочем, Вы нашли нужным использовать их так или иначе в печати, то я никаких возражений не имею. Озаглавить можно было бы: «Ударь раз!... Ударь два!...» или что-нибудь в этом роде. Подпись: «Дилетант», или «Коллега», или «бывший брюнет», или как хотите, по фамилии не выставляйте...».

Начиная с 1930-х и до самой смерти (1948 г.) Серебровскому ставились в вину его евгенические взгляды. Ученому пришлось несколько раз каяться в «содеянном»: «Наиболее ясны для всех, даже не для биологов мои ошибки в области евгени-

ки, когда я упустил из виду обстановку, в которой она родилась в качестве науки в Западной Европе...», — говорил он на общем собрании Комакадемии ещё в 1931 г. (цит. по [18, с. 149]). Поступок признания своих ошибок в обстановке травли был неизбежен, иначе Серебровскому не дали бы возможности продолжать научную работу. В конце 1930-х годов ученого постигли новые беды: были арестованы двое его братьев, а наборы двух его фундаментальных книг были рассыпаны.

В декабре 1936 г. состоялся пленум ВАСХНИЛ. В прениях по докладу А.С. Серебровского «Генетика и животноводство» директор ВИЖа Ермаков и сотрудник института Заркевич сочли возможным снова подвергнуть в издевательской форме ученого публичной экзекуции перед тысячной аудиторией селекционеров и животноводов всей страны.

27 декабря 1936 г. на утреннем заседании пленума Александром Сергеевичем было зачитано заявление, в котором он еще раз подвергал критике свои евгенические ошибки. Тем не менее уже после этого академик Г.К. Мейстер снова вернулся к ошибкам ученого и заявил, что они столь тяжелы, что Серебровскому их будут вспоминать до самой смерти.

«Самое мучительное для меня, однако, не то, что меня еще и еще раз смешивают с грязью как отъявленного мерзавца, хотя в СССР даже убийцам и государственным преступникам при вынесении приговора не напоминают об их прошлых преступлениях. А моя статья, напечатанная в малоизвестном научном журнале и почти всеми забытая, теперь вновь извлечена из забвения и вокруг нее создан нездоровый процесс.

Самой мучительное для меня, как коммуниста, однако, то, что выступлениями Ермакова—Заркевича возмущена беспартийная (а частич-

но и партийная) общественность... Я (подвергаюсь) пытке, моральной пытке, совершенно не в силах переломить дела! Если Партия считает необходимым, чтобы после 7 лет я снова заявил об отказе от своего мнения, изложенного в этой статье, неужели нельзя было мне это просто сказать? Я никогда не нарушал партийной дисциплины и конечно сделал бы то, что мне предложили бы сделать. Зачем же это публичное сечение еще и еще раз. Зачем же эти тяжелые травмы, которые нанесены мне и моей семье? Как могу я теперь продолжать свою работу на посту академика...

Я прошу Комиссию партийного контроля помочь мне в моем трагическом положении и дать мне возможность продолжать чувствовать себя человеком, гражданином страны, хоть в какой-либо мере поднять мой авторитет, без которого мне совершенно немислимо работать на моем научном фронте» [19].

Евгенические работы ученого сыграли на руку сторонникам Лысенко и после смерти Серебровского, когда встал вопрос об увековечении памяти выдающегося генетика. В 1948 г. ректором МГУ был академик А. Н. Несмеянов, который обратился с ходатайством к министру высшего образования СССР С. В. Кафтанову с просьбой о необходимости в единовременном денежном пособии жене покойного Р.И. Серебровской, персональной пенсии для неё и закреплении за ней квартиры по Гагаринскому переулку, а также с предложением издать труды А.С. Серебровского в издательстве АН СССР и поставить на могиле ученого надгробный памятник [20, л.48]. В ответ на это прошение заместитель министра высшего образования СССР А. М. Самарин со своей стороны просил поддержать идею об увековечении памяти А.С. Сере-

бровского заместителя Председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилова [20, л. 50—51]. Вскоре Совет Министров СССР принял положительное решение по этому вопросу [20, л. 52], вызвав гнев и возмущение со стороны недоброжелателей генетики. Министр высшего образования С.В. Кафтанов направляет письмо секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, где сообщает о недоразумении, произошедшем во время его отсутствия, по поводу увековечения памяти профессора МГУ А. С. Серебровского. Министр отмечает, что «... профессор Серебровский А.С. в течение ряда лет являлся одним из самых активных сторонников формальной генетики и вёл борьбу против мичуринского направления в биологической науке. Мной указано зам. министра тов. Самарину А.М. на допущенную им грубую ошибку. Тов. Несмеянову предложено дать объяснения по этому делу» [20, л.47]. Естественно, что после таких указаний делу был дан обратный ход [20, л.49] и достойно отметить вклад выдающегося учёного в развитие отечественной и мировой биологической науки удалось только спустя годы.

Филипченко, Кольцов и Серебровский были приверженцами положительной евгеники, так как считали данное направление наиболее гуманным. Однако были также приверженцы отрицательной евгеники, например Михаил Васильевич Волоцкой, сотрудник евгенического отдела Института экспериментальной биологии. Ламаркист по своим научным взглядам, он допускал возможность наследования приобретённых признаков, в том числе возможность формирования новых признаков у человека благодаря созданию новых условий для жизни. Волоцкой развивал идею создания «пролетарской», биосоциальной ев-

геники [21], в которой важное место отводилось роли среды, однако в ряду евгенистов он оказался в меньшинстве (о чём свидетельствуют дискуссии, проводившиеся тогда в печати и на публичных собраниях, как, например, в Комакадемии в декабре 1926 г.). Волоцкой допускал применение насильственной стерилизации как метода предотвращения размножения наследственно дефектных людей [22], не найдя широкой поддержки своих идей среди коллег по евгеническому «фронту».

Приведённые примеры показывают разнообразие теоретических и методологических взглядов учёных, обратившихся к евгенике в 1920-х годах, что свидетельствует о большой популярности данного направления в биологических и медицинских кругах. Идеями евгенического оздоровления общества увлеклись также ученые других специальностей, деятели культуры, политики. Евгеническое общество только в первый год своего существования объединяло около восьмидесяти человек, а затем заметно расширилось. Так как к работе Евгенического общества привлекались специалисты гуманитарных и естественных дисциплин, сама евгеника приобрела междисциплинарный характер и решала не только биологические, но и социокультурные задачи.

В деятельности общества принимали участие такие известные учёные, как А. И. Абрикосов, В. М. Бехтерев, Г.И. Россолимо, Д.Д. Плетнёв, на его заседаниях можно было увидеть наркома Н.А. Семашко. На первых порах общество имело определённую поддержку властей, в лице того же Наркомздрава: евгенические проблемы оказались актуальными для строителей социализма. К сожалению, не все доклады, прозвучавшие на заседаниях общества, были опубликованы. Но даже

перечень некоторых из них производит внушительное впечатление и разнообразием проблем, и широтой научных подходов. Вот только несколько тем из отчёта первого года работы общества: Н.К. Кольцов «О наследственных свойствах крови», Т.И. Юдин «О близнецах и их значении в теории наследственности», В.В. Бунак «Война как биологический фактор в жизни современного общества», Т.И. Юдин «О движении народонаселения в период мировой войны», С.Я. Рабинович «О монголизме», Т.И. Юдин «Программа курса евгеники» и др. Среди статей, опубликованных в «Русском евгеническом журнале», можно видеть, например, такие работы: Т.И. Юдин «Учение о конституциях в патологии и его значение для евгеники», М.В. Волоцкой «Антропотехнические проекты Петра I (историческая справка)», Б.Н. Маньковский «К наследственности пароксизмального паралича», Т. Морган «Наследственность у человека» и многие другие. На страницах журнала печатали реферативные обзоры зарубежных изданий по генетике и евгенике, программы зарубежных евгенических обществ.

К работе Евгенического общества активно привлекались историки, особенно специалисты в области генеалогии. Генеалогия как научное направление в послереволюционные годы оказалась в загоне, так как в основном ассоциировалась с генеалогией дворянства, поскольку история именно этого сословия сохранила наибольшее число генеалогических источников. Евгеника дала возможность специалистам в генеалогии продолжить свои исследования. Неслучайно среди авторов журнала были специалисты в области генеалогии ещё с «дореволюционным стажем», среди них Н. П. Чулков (1870—1940) — знаток дворян-

ских родословных и архивист; С. В. Любимов (1872—1935) — бывший статский советник. В журнале было опубликовано более десятка интереснейших генеалогических работ, представляющих значительный интерес для ученых-евгеников [23]. В частности, был введён учёт потомков и предков не только по мужской линии, но и по всем женским, появились «смешанные» родословные росписи и таблицы, изучалась общая генеалогическая картина того или иного рода, выявлялись характерные его антропологические, психологические и генетические особенности.

Ряд статей журнала был посвящён интересным и талантливым родам, давшим сразу нескольких выдающихся представителей в тех или иных областях: Толстым (Н. П. Чулков), Аксаковым (А. С. Серебровский), Муравьёвым (Н. П. Чулков), семьям декабристов (В. Золотарёв), предкам и потомкам академика К. Бэра (Ю. А. Нелидов, Н. К. Эссен), предкам С. Ю. Витте (С. В. Любимов), Ч. Дарвина и Ф. Гальтона (Н.К. Кольцов). Ярким примером такого интереснейшего исследования служат материалы, опубликованные В. Золотарёвым, где представлены родословные (по всем линиям) Пушкина, Льва Толстого, Чаадаева, Самарина, Герцена, Кропоткина и С. Н. Трубецкого, на материале которых автор изучил возможные наследственные черты тех или иных родов, проявившиеся в их замечательных предках. Однако не следует думать, что только дворянские семьи, генеалогия которых была наиболее хорошо изучена, становились объектом исследований членов общества. Так, Н.К. Кольцов опубликовал работу «Родословные наших выдвинутых», где собрал и проанализировал свидетельства о предках М. Горького, Ф. И. Ша-

ляпина, Л. М. Леонова и некоторых других деятелей.

Всплеск работ по генеалогии различных семей открывал новые горизонты для изучения наследственных основ таланта человека. Примеров, когда встречаются семьи, генетически предрасположенные к различным сферам человеческой деятельности, очень много. Например, музыкальная семья Бахов, математическая семья Бернулли. Такие же примеры в среде отечественных талантов приводятся А.С. Серебровским в его научных записках [15]. Философ Владимир Соловьев имел брата писателя, сестру поэтессу, отца историка и прадеда по материнской линии украинского философа Г.С. Сковороду. Дед и прадед Софьи Ковалевской были математиками. Среди семей художников Александром Сергеевичем упоминались Маковские, Брюлловы, Клод, артистов — Садовские, музыкантов — Львовы. Говоря о наследовании способностей, Серебровский подчеркивал, что можно только догадываться о наличии определенных наследственных задатков у людей, так как в становлении таланта большую роль играет еще и воспитание. Таким образом, отечественные евгеники продолжили в работах идеи Френсиса Гальтона об отсутствии равенства в умственных способностях между людьми и о передаче этих способностей по наследству, не умаляя при этом роль воспитания в проявлении психических свойств каждого человека.

Деятельность Евгенического общества вместе со всем евгеническим направлением в СССР стала постепенно затухать к концу 1920-х годов. Количество статей по проблеме наследования человеческих свойств значительно уменьшилось, почти исчезла хроника работы общества. Несмотря на то, что в 1928 г. под ру-

ководством Кольцова было организовано Общество по изучению расовой патологии и географического распространения болезней, тематика работы которого в некоторой степени была созвучна евгеническим исследованиям, прежний научный энтузиазм ученых-евгеников стал затухать. Одной из причин снижения интенсивности научных исследований по евгенике стала эволюция взглядов самих руководителей движения [24]. Н.К. Кольцов стал признавать важность внешних факторов для становления признаков человека, введя специальный термин «евфеника», обозначающий улучшение фенотипических свойств человека с помощью среды и образа жизни. «Евфеника требует, — писал Кольцов, — чтобы каждый ребёнок был поставлен в такие условия воспитания и обучения, при которых его специальные наследственные способности нашли бы наиболее полное и наиболее ценное выражение в его фенотипе» (цит. по [25, с. 103]).

На рубеже 20—30-х годов XX в. в биологии обостряется проблема наследования приобретённых признаков. Генетики-неодарвинисты решительно отвергали возможность такого наследования. Именно в этот период происходит активная борьба между представителями классической генетики и механоламаркистами. В журнале «Под знаменем марксизма» дискуссии по проблемам естествознания стали перерастать в политические дебаты и терять научную ценность. В отличие от номогенетических и сальтационных построений концепция механоламарксизма прочно утвердилась в нашей стране [26, 27]. Причиной этого стало политическое вмешательство в ход философских дискуссий. И.В. Сталин самолично ратовал за процветание «...той науки, которая имеет

смелость, решительность ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки» [28, с.3]. В лагерь механоламаркистов вошли М.Б. Митин, Т.Д. Лысенко, Э. Кольман, А.А. Авакян, Б.П. Бахраш. Механоламаркисты меньше всего обращали внимание на философскую сторону полемики, что, наверно, связано с невежеством в вопросах философии и методологии науки многих сторонников учения о наследовании благоприобретенных признаков.

Дискуссии по проблемам наследования благоприобретенных признаков отбросили развитие отечественной философской и биологической мысли на несколько десятилетий назад. Подобные споры уже имели место в Англии: в 70–80-е годы XIX в. активно против дарвинизма выступал Г. Спенсер, который рассматривал организм как агрегат органов, находящихся в равновесии. Внешняя среда, по его мнению, способна нарушить это равновесие, которое может восстановиться только за счет наследования благоприобретенных признаков. Г. Спенсер выступал против учения об отборе как важнейшем факторе эволюционных процессов [29, 30]. Многие ученые примкнули к лагерю Г. Спенсера, назвав себя механоламаркистами. Другие примкнули к лагерю А.Вейсмана, требуя очищения дарвиновского учения от ламаркистских ошибок. Подобная картина повторилась, ведь неслучайно А.С. Серебровский в выступлении по философским вопросам науки отмечал: «Мы являемся сторонниками той позиции, которая отстаивалась Вейсманом и Уоллесом против направления

Спенсера, ведшего к механоламаркизму и давшего яркую вспышку в последние годы в нашей стране» [31, с.97]. Сам А.С. Серебровский порой выступал с достаточно смелыми заявлениями в защиту генетики. Например, в статье «Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции» [32] он опроверг трудовую теорию происхождения и развития человека, обоснованную Энгельсом. Эта теория была отвергнута им как ложная и научно несостоятельная. За созданную Энгельсом трудовую теорию происхождения человека, по Серебровскому, ответственность должна лечь не на самого Энгельса, а на биологию того времени. «Гениальные люди — дети своего времени, способные ошибаться вместе со своими современниками» [32, с. 34]. Подробно изучив труды классиков марксизма, А.С. Серебровский писал: «Хотя в марксистской литературе и встречаются у отдельных авторов сочувственное отношение к ламаркизму — из этого вовсе не следует, что ламаркизм тесно увязан идеологически с марксизмом» [33, с. 220]. Важнейшей задачей биологии, по его мнению, является «очистка эволюционного учения от ламаркизма». В вопросах о движущих силах эволюции ученый оставался всегда неистовым антиламаркистом, не уступая ни одной пяди тому упрощению, которое стремились внести в эволюционную теорию ортодоксальные дарвинисты (так называли себя неоламаркисты, противопоставляя себя неодарвинистам-генетикам).

Особенно резким нападкам со стороны неоламаркистов подверглась евгеника. Сторонники наследования благоприобретенных признаков критиковали евгеников за недооценку новых социальных условий в процессе формирования

личности, в то же время жёсткой критике подверглись мысли о возможности селекционной работы в человеческом обществе. Такой накал страстей, да ещё особенно тогда, когда в научные споры вмешивались посторонние для науки политизированные и идеологизированные факторы, могли выдержать немногие. После резкой критики фундаментального труда «Интеллигенция и таланты» свернул евгенические исследования Филипченко.

Кроме того, в те годы евгенические проблемы пытались решать некоторые страны, к которым советское общество относилось достаточно враждебно. В Германии процветала идея расовой гигиены с чётко выраженным националистическим оттенком. В «Русском евгеническом журнале» некоторое время даже издавались зарубежные программы негативной евгеники, что, безусловно, вызывало отрицательное отношение к евгенике в общественном сознании. Подобным образом объяснял закрытие общества и сам Н. К. Кольцов: «Когда в Германии проявились первые признаки фашизма, я резко оборвал евгенику сам, без каких бы то ни было внешних давлений, закрыл Евгеническое общество, прекратив издание журнала, закрыл евгенический отдел в институте» (цит. по [34, с. 25]). И вообще ситуация для развития новых научных обществ в конце 1920-х гг. изменилась не в лучшую сторону. В преддверии года «великого перелома» государство повело наступление на научную мысль и большинство научных обществ в те годы было закрыто.

В 1931 г. в Большой советской энциклопедии была напечатана статья о евгенике, в которой утверждалось, что евгенические идеи Филипченко были буржуазными, Кольцова — фашистскими, а идеи Серебровско-

го — пример меньшевистствующего идеализма [35].

В 1930-х годах евгеника ставилась в вину «отдавшим ей дань» учёным. Это обвинение использовалось на протяжении всего периода борьбы с генетикой. Окончательный крест на евгенике в СССР был поставлен с приходом Гитлера к власти в Германии. Германия всегда слыла страной с богатейшим научным потенциалом, немало блестящих страниц она вписала также в историю генетики. Достаточно назвать имя К. Корренса, который вместе с Гуго де Фризом (Голландия) и Э. Чермаком (Австрия) вторично переоткрыл законы наследственности Грегора Менделя, имя Г. Бауэра, сыгравшего значительную роль в становлении синтетической теории эволюции. Однако после установления диктатуры фашизма генетики полностью переключились на разработку расовых теорий, причём в ограниченном их понимании.

Многие ученые и общественные деятели подвергли критике нацистскую биологию, потребовав запрета евгеники в Советском Союзе. На организованной в 1934 г. в Медико-биологическом институте специальной конференции главные доклады Левита, Кольцова, Бунака, Давиденкова и Меллера были уже выдержаны в нужном идеологическом духе. Заключительная резолюция конференции призывала к учреждению в СССР новой дисциплины — медицинской генетики как пути улучшения здоровья рабочего класса и борьбы с фашистским псевдонаучным расизмом [36]. В марте 1935 г., чтобы закрепить достигнутый временный успех, воспользовались конъюнктурой и институт был переименован в Медико-генетический институт имени М. Горького. В итоге евгеника была трансформирована в новую дисци-

плину — медицинскую генетику. Характерными особенностями работы института стали совместные исследования клиницистов и теоретиков-генетиков; изучение не только ярких форм проявлений болезней, но и начальных, зачаточных ее форм; обследование не только больных, но и их родственников; изучение генетических особенностей большого числа людей [37].

Судьба медицинской генетики далее также сложилась трагично. В 1937 г. с поста директора Медико-генетического института был снят С.Г. Левит. Вскоре институт был закрыт, а сотрудники уволены. Некоторые ученые смогли перейти во Всесоюзный институт экспериментальной медицины. С.Г. Левит в 1938 г. был арестован, приговорен к смертной казни за терроризм и шпионаж, а затем расстрелян [38]. Таким образом в конце 1930-х годов произошло уничтожение советской медицинской генетики. Только в послевоенные годы выдающийся генетик В. П. Эфроимсон тайно занимался вопросами генетики человека, а его фундаментальные труды по этим проблемам были изданы уже после смерти ученого [39].

Реабилитация медицинской генетики произошла только в 1960-е годы. В 1964 г. вышел в свет учебник Эфроимсона «Введение в медицинскую генетику». В 1969 г. был организован Институт медицинской генетики АМН СССР, своего рода преемник Медико-генетического института. Но даже после официальной реабилитации генетики человека в общественных науках продолжали бояться биологизаторских тенденций: признавались сомнительными работы по генетике поведения и психики, наследованию интеллектуальных способностей, доминировала идея об общественной природе человека, а серьезней-

шей критике подвергались психоанализ, бихевиоризм и социал-дарвинизм.

Несмотря на короткий период своего существования, отечественная евгеника смогла продемонстрировать миру новые идеи, предвосхитившие свое время, которые становятся сегодня популярными в научной и общественной среде. Евгеника сохранила некоторые основополагающие характеристики и приобрела следующие специфические черты:

1. *Первоначальное создание теоретического базиса науки для последующего перехода к практике.* Отечественные ученые отмечали важность научной базы, с дальнейшим использованием пропаганды евгенических идей в широких общественных кругах. Осознавая всю грандиозность поставленных перед обществом задач, евгеники понимали, что предстоящая огромная работа рассчитана не на годы, а на столетия. Цели евгеники виделись ученым настолько благородными и величественными, что отношение к этой науке приобретало у них, как и у Гальтона, отчасти религиозный характер. Н.К. Кольцова говорил, что «евгеника — религия будущего, и она ждёт своих пророков» [14].

2. *Связь евгеники с генетикой.* В отличие от других стран евгеника в России появилась в то же самое время, что и генетика. Основные евгенические исследования выполнялись теми же генетиками, что и исследования сугубо генетические. При этом и генетика, и евгеника рассматривались генетиками и другими учеными как отрасли новой экспериментальной биологии.

3. *Вовлечение в евгенические исследования ученых различных специальностей.* Большой вклад в развитие евгеники внесли не только биологи и медики, но представители гуманитарных специальностей — истори-

ки, этнографы, философы, психологи, педагоги. Наиболее тесные связи евгеника установила, конечно, с медициной. Наиболее популярными темами для исследователей были рождаемость, врожденные дефекты, увеличение числа негативных свойств в человеческом обществе, то есть темы, имеющие прямое отношение к медицине.

4. *Включение евгеники в сферу политики.* Первоначально участие евгеников в политических дебатах стимулировало развитие и поддержку новой науки. Если ученые — основатели евгеники — рассматривали евгенику как один из разделов биологии и медицины, то молодые марксистские биологи видели в ев-

генике научный путь осуществления идей социализма, создания нового общества. Увлечение политикой сыграло впоследствии для евгеники трагическую роль. Расцвет новой науки сменился гонениями на ученых и их исследования и репрессиями. Жестокая тоталитарная система уничтожила цвет отечественной науки, но не смогла вычеркнуть из истории евгенические работы. Помнить отечественных ученых-евгеников всегда будут не только за их научный вклад, но еще и за верность до конца жизни своим нравственным и научным принципам и искреннее желание трудиться во благо будущих поколений.

1. *Гальтон Ф.* Наследственность таланта: законы и последствия. — М.: Мысль, 1996. — 270 с.
2. *Канаев И.И.* Фрэнсис Гальтон. — Л.: Наука, 1972.
3. *Pirson K.* The Life, Letters and Labours of Francis Galton. — Cambridge. — 1914. — Vol. 1; 1924. — Vol. 2; 1930. — Vol. 3, a,b.
4. *Graham L.* Science and Values. The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920's // The American Historical Review. — 1977. — Vol. 82. — P. 1133—1164.
5. *Adams M.* Eugenics in Russia. 1900—1940 // The Wellborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia. — N-Y; Oxford, 1990. — P. 153—216.
6. *Конашев М.Б.* Бюро по евгенике (1922—1930) // Исследования по генетике: К 75-летию кафедры генетики и селекции СПбГУ. — СПб., 1994. — Вып. 10. — С. 22—28.
7. *Александров Д.А.* Особенности Петрограда-Ленинграда как центра развития евгеники // Наука и техника: вопросы истории и теории. — 1996. — № 10.
8. *Флоринский В.М.* Усовершенствование и вырождение человеческого рода. — СПб., 1866. — 206 с.
9. *Канаев И.И.* Избранные труды по истории науки: Сб. статей. — СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000. — 494 с.
10. *Бабков В.В.* Август 48-го и судьбы медицинской генетики // Медицинская газета. — 1998. — 5 августа (№ 62).
11. *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко, 1882 — 1930. — М., 1978.
12. *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко (1882—1930) // Выдающиеся советские генетики: Сб. биограф. очерков. — М.: Наука, 1980. — С. 88—100.
13. *Захаров И.А.* Краткие очерки по истории генетики. — М.: Биоинформсервис, 1999. — 72 с.
14. *Кольцов Н. К.* Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. — 1922. — Т. 1, вып. 1.
15. *Серебровский А.С.* Лекции по антропогенетике. 1922. (Из личного архива А.С. Серебровского).
16. *Серебровский А.С.* О задачах и путях антропогенетики // Русский евгенический журнал. — 1922. — Т. 1, вып. 2. — С. 107—116.
17. *Серебровский А.С.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Медико-биологический журнал. — 1929. — Вып. 5. — С. 3—19.
18. *Александр Сергеевич Серебровский: 1892 — 1948 / М.М.Асланян, Н.Б.Варшавер, Н.В.Гловатов и др.* — М.: Наука, 1993. — 192 с.
19. *Письмо А.С.Серебровского в Комиссию партийного контроля от 28.12.1936.* (Из личного архива А.С. Серебровского).
20. *РГАСПИ*, ф. 17, оп. 132, д. 71.

КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ЕВГЕНИКИ В 20–60-Е ГОДЫ XX СТ.

21. *Волоцкой М.В.* Классовые интересы и современная евгеника. — М.: Жизнь и знание, 1925. — 46 с.
22. *Волоцкой М.В.* Поднятие жизненных сил расы (Новый путь). — М.: Жизнь и знание, 1923. — 96 с.
23. *Красюков Р.Г.* Обзор русской советской литературы по генеалогии за 70 лет (1917–1987) // Изв. Рус. генеалог. о-ва. — 1994. — Вып. 1. — С. 56–58.
24. *Пчелов Е.С.* Евгеника в советской науке 1920-х годов: на стыке биологического и гуманитарного знания // Русская антропологическая школа. — М.: РГГУ, 2004. — Вып. 1. — С. 6–18.
25. *Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. — М., 1975.
26. *Колчинский Э.И.* Диалектизация биологии (дискуссии и репрессии в 20-е — начале 30-х гг. XX в.) // Вопросы истории естествознания и техники. — 1997. — № 1.
27. *Колчинский Э.И., Орлов С.А.* Философские проблемы биологии в СССР (20-е — начало 60-х гг.). — Л.: Изд-во АН СССР, 1990. — 96 с.
28. *Сталин И.В.* Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. — М.: Госполитиздат. — 20 с.
29. *Спенсер Г.* Основания биологии, 1870. — Т. 1.
30. *Спенсер Г.* Недостаточность естественного отбора. — СПб., 1984.
31. *Серебровский А.С.* Выступление на совещании по генетике и селекции // Под знаменем марксизма. — 1938. — № 11. — С. 90–120.
32. *Серебровский А.С.* Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции // Естествознание и марксизм. — 1930. — № 2. — С. 31–39.
33. *Серебровский А.С.* Ответ Ф. Дучинскому // Под знаменем марксизма. — 1930. — № 2–3. — С. 219–228.
34. *Астауров Б. Л.* Николай Константинович Кольцов: Биобиблиографический указатель. — М., 1976.
35. *Баткис Г.* Евгеника // БСЭ. — Т. 23. — С. 812–819.
36. *Конашев М.Б.* От евгеники к медицинской генетике // Рос. биомед. журн. — 2002. — Т. 3. — С. 220.
37. *Левит Г.С.* Предисловие // Тр. Медико-генетического ин-та. — М.; Л.: Биомедгиз, 1936. — Т. 4. — С. 5–6.
38. *Бабков В.В.* Медицинская генетика в СССР // Вестн. Рос. академии наук. — 2001. — Т. 71, № 10. — С. 928–937.
39. *Эфроимсон В. П.* Гениальность и генетика. — М., 1998.

Получено 14.06.2005

Р.О. Фандо

Когнітивні та соціокультурні аспекти розвитку евгеніки у 20–60-ті роки XX ст.

Розповідається про зародження евгеніки, викладено її основні ідеї. Висвітлено історію розвитку радянської евгеніки, показано її специфічні риси.